

Когнитивная структура эмоций: русско-японские параллели

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

1. Вместо введения: несколько слов об этнографии общения

Современные теории познания могут сказать сравнительно мало относительно аффектов и эмоций.

Вполне возможно, что основная причина расхождений между теориями познания и теориями эмоций заключается в том, что акцент делается на метафору 'обработки информации человеком'. Так же как лишь немногие из теорий познания хоть что-нибудь говорят об эмоциях, так и теории эмоций, как правило, неприемлемы в силу нечеткого решения вопроса о роли когнитивных факторов для эмоций.

Принимая точку зрения эмпирической психологии и когнитивной науки, мы постулируем, что эмоции определяются способом, каким лицо, испытывающее их, воспринимает ситуации, которые порождают эти эмоции. Мы пытаемся исчислить ситуации, вызывающие эмоции, а также определить структуру эмоции в терминах личностного и межличностного описания ситуаций. Эмоции возникают в результате некоторых форм когнитивной деятельности: следовательно, интерес представляет исследование того, что представляют собой эти формы.

Обратимся к проблеме связи языка и мировоззрения — к влиянию языка на формирование мировоззрения. Проблема влияния языка на мышление, на развитие познания широко обсуждается на уровне психолингвистики. Влияние языка на когнитивное развитие ребенка признается здесь или в большей степени, например, Брунером и Бернштейном, или в меньшей степени, например, Фуртом и Пиаже, утверждавших примат когнитивного развития под воздействием аспектов жизненного опыта. Но так или иначе это влияние признается.

Национальность как психологическое качество индивидуума представляет специфический признак — уважение к человеку и народу своей национальности. В мере нравственного качества одного без другого (общего без специфического) не бывает. Отрыв одного от другого и наоборот, абсолютизация дают два противоположных "изма". Враждебное отношение к чужим эмоциям, собственный холодный, бесцветный, скучный от претенциозных логических фиоритур язык, требование к оппонентам не быть эмоциональными — это лингвистический признак рационалистического мировоззрения. Ведь что же это такое как не

способность к когнитивным чувствам и боязнь их у своих оппонентов. Умный рационалист хоть и называет их животными эмоциями, но сам инстинктивно сознает, что это не слепые эмоции, а гносеологические состояния, знающие истину.

Этнография общения заняла в конце XX века свое место в парадигме лингвистики. Опираясь на понятия этнокультура, языковая картина мира, стереотипы речевого поведения, она способствует раскрытию особенностей мировосприятия этносов, их менталитета, роли языка в процессе познания мира и сохранения этнокультурных ценностей. Будущее несомненно проявится в антропоцентричности современной науки, постулаты этнографии общения могут стать ведущим лингвометодическим принципом как при обучении языку как специальности, так и в теоретическом курсе лингвистических университетов. Этнография общения — это область изучения моделей коммуникативного поведения как систем культуры, которая должна привести к пониманию когнитивной роли языка в контексте социальной жизни.

Отечественная и западная этнография общения развивались по своим особым моделям, отражая разные задачи исследования, разное социальное задание, но в любом случае ориентиром и целью оставалось моделирование речевого поведения в терминах структур знания — этносемантики, коммуникативных действий, стратегий и стереотипов как фрагментов языковой картины мира. Этнография общения призвана интерпретировать связь между особенностями речевого поведения языковых коллективов, их этнопсихологией и собственно языковыми способами вербализации смысла. Выявляемые на этом уровне речемыслительные стереотипы (конвенциональные способы вербализации) могут ассоциироваться с когнитивными процессами и отражать сознательные этнокультурные стратегии поведения, могут представлять собой когнитивные подсознательные культурные ритуалы или, в конечном счете, неосознаваемое носителями языка следование структурно-семантическим стереотипам языка. Такой взгляд на речевое поведение помогает избежать этноцентрических интерпретаций "чужих" национальных характеров, показывает, что в самом феномене вербализации нет ничего оценочного.

Таким образом, проблематика этнографии общения охватывает важнейшие вопросы лингвокультурного мировоззренческого характера: в какой мере культурные ценности конституируются лингвистической реальностью и, наоборот, правомерность приписывания языкам некоторых принципов — центральных характеристик, контролирующего социальное поведение. В лингвометодическом плане актуальны также этнолингвистические взгляды на динамику ролевых отношений в обще-

стве и возможности лингвосемиотических движений (типа лингвистического феминизма).

Этнография общения — междисциплинарная, сопоставительная, речеповеденческая, когнитивно ориентированная дисциплина, рассматривающая язык (коммуникативное поведение) в качестве посредника социокультурного процесса — важнейшее средство воспитания широкого культурологического взгляда на поведение человека.

2. "Гнев" в русском и японском языке и культуре

Семантический аспект

С точки зрения семантики "Словарь синонимов русского языка" указывает на семантическую общность понятия "гнев" и "ярость", "раздражение", "бешенство". Различия между синонимами следует искать в направленности и интенсивности действия:

'Гнев' — состояние и чувство сильнейшего негодования и возмущения, вызванных кем-либо или чем-либо; 'Ярость' — сильнейший гнев, крайняя степень негодования; 'Раздражение' — состояние недовольства и возмущения; 'Бешенство' — сильнейший гнев, проявляющийся с необузданной силой.

"Русско-японский словарь" С. Ф. Зарубина и А. М. Рожецкина дает следующий перевод русского слова "гнев": икари, фундо/фунну, гекидо, риппуку.

Кроме вышеперечисленных, следует указать и такие слова, как: фунгай, синъи, икодори. "Большой японско-русский словарь" под редакцией Н. И. Конрада переводит эти слова соответственно как: икари — гнев, ярость, негодование, возмущение; фундо — гнев, ярость, глубокое возмущение; гл.: быть разгневанным, прийти в ярость (в "Русско-японском словаре" указано также на русский стимул "бешенство"); гекидо — сильный гнев, ярость; гл.: быть вне себя от гнева, бушевать, разъяриться; риппуку — гнев, ярость; гл.: сердиться, негодовать, приходиться в ярость; фунгай — возмущение, негодование; гл.: возмущаться, негодовать; синъи — кн. гнев, негодование; икидори — гнев, ярость, негодование, возмущение.

Все слова, кроме "икари" и "икидори" принадлежат к так называемым "канго", т.е. японским словам из корней китайского происхождения, поэтому глаголы от этих слов образуются путем добавления вспомогательного глагола "суру" — делать (напр., фундо суру). В связи с этим кажется целесообразным привести также переводы глагольных вариантов этих слов.

"Большой словарь японского языка" дает следующие их значения: икари — (по отношению к собеседнику) негодование, вызванное силь-

ным недовольством; чувство негодования; гнев; фундо/фунну — кн. сильный гнев, ярость; гекидо — сильный гнев; риппуку — негодование; злоба; фунгай — сильный гнев как реакция на непристойное поведение; возмущение плачевным положением дел; патриотическое негодование; синъи — 1. кн. (сильное) негодование, ярость; икидори — (с критической позиции) негодование; горькое сожаление о ч.-л.; ярость, гнев.

Можно здесь особо отметить слово "кэгай" — патриотическое негодование, патриотическая скорбь, гражданский гнев. Интересно, что японцы выделяют патриотическое негодование в особый вид гнева.

Исходя из словарных статей, наибольшую семантическую близость с русским словом "гнев", по всей видимости, имеют японские слова "фунгай", "икари", "икидори".

Этимологический аспект

С этимологической точки зрения, наиболее вероятно, что русское слово "гнев" происходит от "гниль, гнилой, яд" (Макс Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*). *"Историко-этимологический словарь современного русского языка"* П. Я. Черных дает следующее устаревшее значение этого слова: "состояние больного, покрытого струпами, гноящимися ранами". Здесь же "гнев" определяется как "чувство сильного возмущения, негодования, граничащее с утратой самообладания".

Для того, чтобы понять этимологию японских эквивалентов русского слова "гнев", необходимо прежде всего обратиться к написанию и составу черт иероглифов, из которых они состоят:

фунгай

1) фун / икидо(-ру) — возмущаться, негодовать;

икидо(-ри) — гнев, ярость, негодование, возмущение.

Состав черт: сердце, душа, разум □ обида, изливаться, извергать; высказывать.

Этимология: "негодование, возмущение, чувство обиды".

2) гай / нагэ(-ку) — скорбеть, печалиться, оплакивать, убиваться;

кагэ(-кавасий) — печальный, прискорбный.

Состав черт: душа, разум, давно.

Этимология: "воспоминания о прошлом".

фундо

1) фун / икидо(-ру) — возмущаться, негодовать;

икидо(-ри) — гнев, ярость, негодование, возмущение.

Состав черт: сердце, душа, разум □ обида, изливаться, извергать; высказывать.

Этимология: "негодование, возмущение, чувство обиды".

2) икари — до, ну /

ика(-ру) — сердиться, раздражаться, гневаться, бушевать;

око(-ру) — обижаться, сердиться, злиться, ругать, бранить;

ика(-ри) — гнев, ярость, негодование.

Состав черт: раб, сердце, разум, душа □ обида.

Этимология: "негодование в сердце раба".

икидори

икари — до, ну /

ика(-ру) — сердиться, раздражаться, гневаться, бушевать;

око(-ру) — обижаться, сердиться, злиться, ругать, бранить;

ика(-ри) — гнев, ярость, негодование.

Состав черт: раб, сердце, разум, душа □ обида.

Этимология: "негодование в сердце раба".

синьи

1) син /ика(-ру) — гневаться, сердиться, раздражаться.

Состав черт: свирепо смотреть, очень.

Этимология: "злиться, быть возбужденным, чувствовать обиду".

2) и / ика(-ру) — гневаться, сердиться, раздражаться.

Состав черт: угловатый (не гладкий, не ровный), разум, сердце.

Этимология: "гнев, раздражение".

Физиологический аспект

В область физиологии нас выводит этимология русского слова "гнев": с физиологической точки зрения, гнев — состояние болезненное и патологическое:

русс.: Сашка [молодой рабочий-наборщик] возмущен, у него даже руки дрожат, а глаза гневно потемнели (М. Горький. Легкий человек).

Подобное представление о гневе мы встречаем и в японской культуре:

яп.: Во гневе ее красная ткань стала казаться мне кровавым потоком (Н. Кодзима. Винтовка).

Интересно здесь отметить представление о физиологической локализации чувства гнева, об источнике подобных эмоций в русской и японской культуре.

У русского человека это представление связано с сердцем. В русской культуре сердце вообще считается "местом обитания души", а следовательно, всех чувств и эмоций. Один из синонимов на глагол "гне-

ваться" — "серчать" указывает на прямую связь между сердцем и гневом в представлении носителей русского языка.

Японцы, как и другие народы Востока, вместилищем души считают живот. Идеального человека Востока японцы всегда представляли тучным, так как верили, что интуитивное понимание сути вещей возможно только через брюшную полость. Постигание буддийских истин тоже возможно только через живот, поэтому японские учителя буддизма советовали своим ученикам "удерживать" буддийские притчи-коаны не в голове, а в животе. Живот в японской культуре связывается с эмоциями: одно из японских слов, передающих значение гнева, ярости (риппуку) содержит в себе два иероглифа, один из которых (фуку/хара) имеет среди своих основных значений непосредственно "живот" и "желудок".

Можно также отметить, что с гневом как аффектом и в представлении японцев, и в представлении русских, по-видимому, связывается образ огня (яп.: синъи-но хомура-о моясу — досл. зажечь огонь гнева; русс.: вспышка гнева), а также, в русской культуре, с кипящей водой (русс.: кипеть гневом).

Мифологический аспект

С мифологической точки зрения представление о (праведном) гнев в древнерусской языческой культуре, очевидно, связывалось с высшим божеством Киевской Руси — Перуном. Перуна, бога грозы, считали покровителем военной дружины и изображали немолодым мужем с золотыми усами, серебряной сединой и сдвинутыми бровями. Он послужил прообразом Ильи Муромца и, возможно, Архангела Михаила, так как первоначально представлялся в образе всадника, поражающего своим оружием (стрелы, топоры и камни) змеевидного врага. У балтийских славян существовал несколько измененный вариант древнерусского бога Перуна — Прове, что в переводе на русский означает непосредственно "правый". Позднее, с принятием христианства, подобное представление о высшем гнев было перенесено на образ Бога Отца, а также на образ Иисуса Христа в Судный день (День гнева — Dies irae — икари но хи); заступницей же перед ними Богородица, которая в русской традиции особенно почитается. Интересно отметить, что в русском языке существует устойчивое выражение: "что бога гневить, нечего бога гневить", которое означает: "не следует, нельзя жаловаться; грешно, несправедливо обижаться":

Ну и Пятачкову нечего Бога гневить, сыт был, ведь он как курочка, так себе, по зернышку поклевал да домик о пяти окошках и наклевал в три года с половиной (Печер. Именины Елп.Перф.).

В Японии гнев считается одним из смертных грехов. "Большой словарь японского языка" в качестве второго значения слова "синъи" (гнев, негодование) указывает следующее: 2. буд один из "Трех зол" и "Десяти великих грехов". (К "Трем злам" относятся жадность, гнев и глупость. "Десять великих грехов" подразделяются на три группы: грехи телесные: убийство, воровство, прелюбодеяние; грехи словесные: ложь, лесть, двуязычие, злоязычие; грехи душевные: жадность, гнев, ропот).

С религиозной точки зрения вообще, представление о Высшем гнев у японцев, по-видимому, связано с богами-стражами храмов (Годай мёо, Хатидай мёо), статуи которых обычно стоят у ворот. Эти боги призваны изгонять злых духов (акума), заблуждения и страдания (бонн□), а также грехи (дзайсё), в том числе "Три зла" прихожан. Они сориентированы на четыре (восемь) сторон света, имеют восемь рук и четыре (три) лица. Главный бог Годай мёо — бог огня Фудо мёо (ср.: Перун — бог грозы и молнии). Фудо мёо всегда изображается с гневным лицом, в правой руке он держит меч, а в левой веревку, на плечах его полыхает пламя.

Поведенческий аспект

(1) в поведении и физиологии: способность к разрушительным действиям:

русс.: По большой, светлой комнате редакции "N-ской Газеты" нервно бегал взволнованный, гневный редактор и, тиская в руках свежий номер, отрывисто кричал и ругался (М. Горький. Озорник);

яп.: "Ну, давай еще, еще! Побольше ярости (гнева)! Давай за мной!" — скрежетал зубами демон, кружась в злобной пляске (Кода. Пятаярусная пагода).

(2) в подверженности психосоматической патологии: подверженность болезненным состояниям:

русс.: Малыта видел, как дрожат руки царя, как помутился его взгляд. Приготовился к взрыву царского гнева (Костыл. Ив. Грозный);

яп.: Я возмущался, расстраивался и злился на них за то, что не предупредили меня, так, что потом уже не мог даже подняться на ноги (К. Серидзава. Любовь и книга смерти);

яп.: Сдерживаемый до сих пор гнев, внезапно вырвался наружу (К. Хироцу. Эпоха нервных стрессов).

(3) в эмоциях: гнев:

русс.: Э, черт, говори ясней, чего тебе надобно? — вскричал, наконец, гневно Иван Федорович, со смирения переходя на грубость (Дост., Бр. Карамаз.);

яп.: "Мой ребенок не попрошайка!" — бросила она учителю гневно (С. Ямамото. Путь истины).

(4) в контроле над окружающим миром: неконтролируемость своих действий, склонность к саморазрушению:

русс.: А что такое Багратионов гнев, знали все, — он вспыхивал, как молния, и гремел с бешеной силой мгновенно налетевшей грозы (Голобов. Багратион);

яп.: Не в силах сдержать гнев, она вспылила (Сиси. Суматоха...).

(5) в буквальности понимания сказанного: искажение информации, излишняя подозрительность:

русс.: Фабий остался дома и, до возвращения жены, побродил по саду, стараясь понять, что происходит с нею, — и чувствуя постоянный страх и гнев, и боль неопределенных подозрений (Тург. Песнь торж любви);

яп.: "Ах, вот как это было!" — понимал он, и в душе его закипала ярость (гнев) (К. Одзаки. Золотой демон).

(6) в отношении к правде: явная, разрушительная ложь:

русс.: Один маляр гневается на суждение знатока или любителя; истинный талант не боится критики (Батюшк. Прог. в Акад. Худ.);

яп.: Пожалуй, верно говорят: "Ничто так не искажает суждения человека, как гнев" (Мики. Рассуждения о жизни человеческой).

(7) в обращении с людьми: угрозы, наказания, ложные сообщения об опасности для того, чтобы господствовать над людьми:

русс.: Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после слезу-то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев! (А. Остр. Не все коту...);

яп. Отца в гнев вводить — для его здоровья самое вредное!

(8) в этическом плане: аморальность:

русс.: Этот добрый, благодетельный и даже снисходительный человек [Степан Михайлович] омрачался иногда такими вспышками гнева, которые искажали в нем образ человеческий и делали его способным на ту пору к жестоким, отвратительным поступкам (С. Акс. Сем. хр.);

яп.: Он испытывал чувство горечи от расставания, но поначалу в душе его не было низкого чувства гнева и ревности (Т. Сатоми. Много чувств...).

(9) В настойчивости достижения цели: постепенная потеря активности в достижении разрушительных целей.

Гнев, будучи эмоцией чрезвычайно интенсивной, непродолжителен по времени. На это указывает не только психологическое определение гнева как аффекта, но и данные "Русского ассоциативного словаря".

Такие слова и словосочетания как милость, на милость, радость, прошел, утих" встречаются довольно часто в прямых ассоциациях на русский стимул "гнев". Можно утверждать, что в гневе как ментальном состоянии перемежаются оба типа сознания: обыденное и измененное. Гнев как пограничное психосоматическое состояние стремится вырваться в социально приемлемое обыденное:

русс.: [Вспышкин:] А! Фатюгов! вы еще здесь? Простите меня, что я давеча с вами погорячился. [Фатюев:] Безделица! Так вы больше не гневаетесь? (Крыл. Пирог).

(10) В уровне смелости: безрассудная храбрость, обычно себе во вред:

русс.: Полный ярости, скрипя зубами от злости, он вплотную приближается к немцам и открывает такой сумасшедший огонь из автоматов, точно стреляет последний раз в жизни (Павенко. Сыны Кавказа);

яп.: Соберите воедино все чувства своей жизни и почувствуйте гнев (ярость) и ненависть! (Т. Кобояси. Жизнь для партии).

Языковой материал "Русского ассоциативного словаря" дает представление о внутрикультурном оценочном отношении носителей русского языка к рассматриваемому психосоматическому феномену "гнев". Среди прямых ассоциаций, относительно часто возникающих у носителей русского языка на стимул "гнев", можно найти следующие слова: праведный — 21, божий — 14, справедливый — 12, отца — 9, богов — 5, народа — 4, преподавателя — 3. Реже можно встретить и такие ассоциации: благородный — 2, Господень — 2, друга — 2, людской — 2, матери — 2, родителей — 2, царя — 2, директора — 1, декана — 1, Ивана Грозного — 1, жены — 1, заслуженный — 1, вождя — 1, начальника — 1, Тараса Бульбы — 1.

Можно заметить, что чувство гнева в русской культуре часто приписывается страшим по возрасту или положению, способным проконтролировать и наказать виновных:

русс.: Здесь видел я царя, Усталого от гневных дум и казней (Пушк. Борис Год.);

русс.: Ах! от господ подалей; у них беды себе на каждый час готовь, Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев и барская любовь (Гриб. Горе от ума).

Гнев тесно связан поэтому с понятием совести и раскаяния:

русс.: — Что? — сказала испуганная Наташа, — я бредила Валерианом? Батюшка слышал, батюшка гневается! — То-то и беда, — отвечала карлица (Пушкин, Арап Петра Великого);

русс.: Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только (Гог. Ревизор).

Можно сделать предположение, что гнев в сознании русского человека — эмоция оправданная, как бы заслуженная кара за недостойное поведение:

русс.: [Царь:] Они меня злодеем называют, Мучителем. Я каюсь перед всеми: Я зол, гневлив! Да на кого я зол? Я зол на злых (А. Островский. Вас.Мел.).

К сожалению, в нашем распоряжении нет японских ассоциативных словарей, однако языковые примеры словоупотребления показывают, что в понимании японцев, по всей видимости, гнев в своем высшем проявлении, как и в представлении русских, оправдан:

яп.: Испытывать чувство гнева на несправедливость этой жизни (пример словоупотребления из словаря "Гэнсэн");

яп.: Американцы озлоблены (гневаются) на японцев за то, что вместе с подписанием мирного договора, они совсем потеряли свое лицо (Дзю Осараги. Воздушный шар);

яп.: Я был очень зол на отца и сводную сестру за то, что они не сказали мне (о болезни матери) раньше (К. Сэридзава. Любовь и книга смерти);

яп.: Возмущаться (гневаться на) бесчинства террористов (К. Сэридзава. Любовь и книга смерти);

яп.: Возмущаться (гневаться на) его безответственным поведением (пример словоупотребления из словаря "Гэнсэн").

Таким образом, обобщая, можно констатировать, что когнитивное психосоматическое (эмоциональное) состояние, определяемое в русском языке как "гнев", в японском — как "фунгай", "икидори", "икари", согласно различным языковым источникам дает следующую палитру форм когнитивной деятельности — поведенческих стереотипов индивида: способность к разрушительным действиям; подвержен болезненным состояниям; неконтролируемость своих действий; склонность к саморазрушению; разрушение этических норм; аморальность; искажение сообщений; склонность к излишней подозрительности; использование угроз, наказания и ложных сообщений об опасности для осуществления господства над людьми; постепенная потеря активности в достижении разрушительных целей. Кроме того, гнев в его высшем проявлении и в русской и в японской языковых культурах приписывается оценочная характеристика оправданности и целесообразности. Также нужно отметить, что данные "Словаря современного русского литературного языка" и "Русского ассоциативного словаря" указывают на тот факт, что в представлении носителей русского языка гнев свойственен лицам, занимающим более высокое положение в данном культурном контексте.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – Вып. 11. – 140 с. ISBN 5-89209-544-4

С п и с о к с л о в а р е й

1. Зарубин С. Ф., Рожецкий А. М. Русско-японский словарь. М., 1964.
2. Большой японско-русский словарь / Под ред. Конрада Н. И. М., 1970.
3. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. М., 1964.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.-Л., 1965.
5. Русский ассоциативный словарь: В 4 кн. М., 1994-97.
6. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Л., 1970.
7. Ю. Миямото. Японский иероглифический словарь "New Kanji Dictionary". Токио: Сэмпацу инсацу кайся, 1984.
8. Х. Канэдайти, Я. Икэда. Большой словарь японского "Кокуго дайджитэн". Токио: Гакусю кэнкюся, 1978.
9. Большой японский толковый словарь "Гэнсэн". Токио: Сёгакукан, 1988.
10. С. Ооно, А. Сатакэ, К. Маэда. Словарь архаизмов. Токио: Иваками, 1991.